

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ОСТРО ЗАТОЧЕННЫЙ
УДАР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Остро заточенный удар

«Научная книга»

2010

Леонов Н. И.

Остро заточенный удар / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2010 — (Полковник Гуров)

Невероятно, непостижимо, нереально – вот далеко не все слова, которыми полковники Гуров и Крячко характеризовали очередное дело, попавшее к ним под грифом «совершенно безнадежно». Убито несколько совершенно не связанных между собой людей, но орудие убийства одно и то же. При этом оно весьма необычно: то ли шило, то ли отвертка, то ли спица, причем с сильным ядом природного происхождения. Одной из жертв посчастливилось выжить. Мужчина рассказал Гурову, что в момент удара он почувствовал сзади как бы сильное дуновение ветра и услышал странный гул. И в голову сыщикам приходит совершенно фантастическая гипотеза...

© Леонов Н. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Иванович Леонов, Алексей Викторович Макеев

Остро заточенный удар

Глава 1

Колян Бухрашкин ближе к полуночи возвращался домой в крепком подпитии. Употребил он больше литра первача, что для него было почти нормой. Его железобетонная печень ухитрялась перерабатывать и куда большие объемы всевозможных спиртосодержащих «коктейлей», так что сегодняшнее возлияние было вовсе не рекордным. Кстати, Коляна из-за этого-то и в компании приглашали не очень охотно. Если человек способен перепить лошадь, приглашать такого – себе в убыток. Пока основная масса выпивох опрокидывала всего лишь парутройку стакашков, Колян успевал принять на грудь вдвое-втрое больше. Попробуй посостязайся с ним!

Но сегодня он удачно проведаль о готовящемся юбилее соседа по улице, отставного пожарного Данилы Фирсова. Зная, что лучше Фирсовых никто не умеет готовить всевозможные настойки на травах, Бухрашкин приложил все свои силы, чтобы напроситься в гости. Данила, крупный мужик, в свои семьдесят выглядящий на полсотни, после очень непрозрачных намеков Коляна, явил-таки сочувствие к страждущему и сказал, что ждет Бухрашкина на застолье.

Колян законченным халявщиком все же не слыл и по мере возможности старался быть взаимно любезным с теми, кто его не пинал и не отмахивался, как от назойливой мухи. Поэтому, придя домой и немного помозговав, он решил подарить юбиляру свой нож-свинорез, который когда-то отковал из обоймы подшиппника ныне покойный кузнец Семеныч из соседнего колхоза, что в часе ходьбы от их дачного поселка. На этот нож уже давно зарился Данила Фирсов. Надо сказать, Колян год назад в своем дворе извел практически всю живность, за исключением кота Мурзи и старого барбоса Лохы. И в первую очередь расстался он со всякими там хрюнделями-шмунделями. Кормов-то на них где напасешься? А вот Фирсов – тот совсем другое дело. У Данилы этих самых хрюнделей целый свинарник, денно и ночно голосащий на всю улицу. Так что нож был ему подарком в самый раз.

Гостей у Фирсовых в этот вечер собралось человек около тридцати. Гуднули на всю ивановскую. Хлебосольные хозяева насчет своей фирменной настойки не подвели, и поэтому уже через час почти все гости были если и не вдрызг, то близко к этому. За исключением, разумеется, Коляны Бухрашкина. В знак признательности за приглашение, как самый твердо стоящий на ногах, он или помогал хозяйке подносить блюда, или выводил с веранды на свежий воздух перебравших по части «горючего». И дернула же его нелегкая под конец сопроводить бухгалтершу садово-огородного кооператива «Тучино» Нинку Корюлину!

Коляну однажды кто-то поведал, что Фирсовы, настаивая свой первач на диких травах, среди прочих добавляли в него и какую-то особую травку, которая очень сильно влияла на некоторые функции человеческого организма. Особенно женского. Вроде бы покойная бабка Данилы была знаменитой травницей, которую односельчане даже побаивались, считая ее колдуньей. Но Бухрашкин в это особенно-то и не верил. Мало ли чего люди болтают?! К тому же он не раз дегустировал фирсовскую настойку и по себе никак не мог сказать – влияет она как-то эдак на его организм или не влияет вовсе... И только сегодня он понял – влияет! Да еще как влияет...

Едва они с Корюлиной, крупнотелой дамой лет сорока, оказались в тени большой разросшейся вишни, как вдруг из прежней медлительно-снудовой, едва стоящей на ногах из-за

явного перебора по части тостов она превратилась в подобие персонажа голливудского триллера из жизни оборотней. Прижав Коляна к стенке беседки, она своими накрашенными губами превратила его лицо в подобие крашеной скорлупы пасхального яйца. А потом... Что же было потом-то? Ой, что-то было!.. Когда минут через...надцать, показавшихся ему куда большим сроком, нежели те три года, которые он отбывал на «химии» за кражу магнитолы из «девятки» местного коммерсанта, Бухрашкин с трудом поднялся на крыльцо, его встретил очень недобрый взгляд Швахова, сторожа того же кооператива «Тучино», уже давно равнодушного к Корюлиной.

Бухрашкин после такого приключения решил выпить всего только пару рюмок и не очень твердо зашагал домой. В его голове все плыло и колыхалось. Он шел по ночной улице размашистой походкой моряка, который передвигался по палубе корабля, попавшего в сильный шторм. Но, несмотря на плотную завесу хмельного тумана в голове, Коляна не отпускало воспоминание о том, что стало апофеозом сегодняшней гулянки. Надо же! Раньше он и не подумал бы, что такое вообще возможно. В смысле, чтобы скромняга и рохля Нина Львовна вот так, без околичностей, учудила что-то эдакое...

Вот только Швахов теперь его возненавидел окончательно и бесповоротно. Рассказывали, что к Нинке тот уже вполне официально сватался, но получил отказ. И теперь всякого, кто даже по каким-то официальным делам встречается с Корюлиной, готов был разорвать в клочья.

Ну вот, кажется, и его калитка... Сейчас он завалится на диван и будет спать, спать, спать. А вот завтра, на трезвую голову, стоило бы встретиться с Нинкой. Потолковать о том о сем... Что, в общем-то, он не против продолжить с ней отношения. Какие? Да можно было бы и сойтись. А что? Его Анька уже год как свалила в Москву с каким-то деловым. Нынешней весной знакомые видели ее с этим торгашом. По их словам, мужичишка – так себе. А вот она... Вся расфуфыренная, в золоте, в мехах. Блин! Колян только после развода вдруг понял, что его «половина» природой была очень даже не обижена и запросто могла быть востребованной кем-то еще. Теперь за свою неосмотрительность он наказан без права на апелляцию – Аньку он потерял навсегда. А одному-то, между прочим, хреновато...

Замысловатый ход его хмельных мыслей нарушил какой-то шум, донесшийся сзади. Колян запоздало решил обернуться, но не успел. Что-то острое вонзилось в его спину. Жгучая боль полыхнула в грудной клетке, отчего сердце мгновенно сжалось в крохотный, трепещущий комочек. В глазах разом потемнело, ноги подкосились, в гортани перехватило дыхание. Бухрашкин рухнул на траву у своего палисадника, даже не ощутив удара всем телом о землю...

* * *

– ...Ты не поверишь! Там такие подосиновики – обалдеть можно! – бросая руль и размахивая руками при скорости около сотни километров в час, восторженно повествовал полковник Крячко, оперуполномоченный Главного управления угрозыска. – Я их как увидел, подумал, что у меня глюки начались. Ага! Ну, думаю, завтра у нас слевой выходной, надо его свозить. А то с этой нашей работой можно досрочно крышей тронуться.

– А ты уверен, что они нас еще дождутся? – покосившись в его сторону, сдержанно поинтересовался полковник Гуров, старший оперуполномоченный того же главка. – Ты когда там был?

– Вчера, перед вечером, – пожал плечами Станислав Крячко. – Ехал со следственного эксперимента и решил на всякий случай заглянуть в лесок. Он от дороги в отдалении, так что насчет экологии можешь не переживать – выхлопы до него не доходят, рядом химпроизводств не наблюдается. Ну, вот, там они и нарисовались. Шляпки диаметром с форменную фуражку – не меньше того, оранжево-красные такие, толстенные, мясистые...

– Ладно... Надеюсь, до нас в тот лесок еще никто не успел наведаться, – улыбнулся Гуров. – Честно говоря, никогда не подозревал, что ты такой заядлый грибник.

– Так где бы нам брать время, чтобы хоть в чем-то преуспеть? – Стас в очередной раз бросил руль, риторически разводя руками. – Хоть в рыбалке, хоть в охоте, хоть по грибам... Как тут сорвешься на природу, если иной раз чихнуть некогда? Не хочу накаркать, но вот чувую: только приедем на место, тут же начнет названивать Петр. Мне так кажется, у него в одном месте специальная зуделка вмонтирована, которая, как только у нас выдастся выходной, начинает его донимать. Из-за этого он и сам без конца чешется, и нас чешет, чуть выдалась минутка...

– Интересная теория об особенностях начальственной анатомии, – рассмеялся Лев. – Тогда стоило бы уточнить, каково же происхождение этого самого органа, который ты поименовал зуделкой. Считаешь, он у Петра врожденный или отрос после назначения на начальственную должность?

– Отрос! – уверенно объявил Крячко. – Сам же знаешь, каким он парнем был, когда втроем теснились в нашем кабинете. Тоже, бывало, как и мы сейчас, возмущался всякими висяками, которые ему наваливал Галактионов. Помнишь, был у нас такой начглавка?

– Помню... – Гуров задумчиво кивнул. – Но у того, если по справедливости, изобретенная тобой зуделка была какой-то гипертрофированной. В сравнении с ним Петр, можно сказать, нас балует...

– Так оно и понятно – Петру до пенсии еще трубить и трубить. А того к нам специально спихнули, чтобы дать доработать до увольнения. Ну вот, уже и подъезжаем...

Стас указал взглядом на холм, виднеющийся в паре километров слева от дороги, на котором буйно кучерявилась березовая рощица с примесью осины и дуба. Найдя примыкающий к шоссе съезд на грунтовую дорогу, уходящую в глубь зеленого массива, который тянулся вдоль шоссе, Стас вырулил на крайнюю левую полосу и, выждав момент, нахально пересек две сплошные разделительные линии, уйдя влево и быстро спустившись с откоса. Лев то ли укоризненно, то ли сокрушенно покрутил головой.

– А что? – Заметив этот жест, Крячко нахально ухмыльнулся. – Аварийной ситуации мы не создали. А до ближайшего перекрестка, чтобы там развернуться, еще километра три пилить. Была бы охота круги нарезать! И так уже полдня позади. А нам еще по лесу надо бы хоть немного побродить, так сказать, пообщаться с природой...

Когда они уже углубились в придорожные дебри, откуда-то сзади, со стороны трассы, донеслось характерное подвывание сирены гаишников. Вероятно, те успели засечь нарушителей дорожного движения, но почему-то преследовать их не стали. Может быть, и потому, что не было уверенности – удастся ли догнать «каскадеров» на древнем «мерсе».

– Ну, Стас! Еще немного, и нам пришлось бы выкручиваться, сочинять небылицы про оперативную необходимость, – оглянувшись, резюмировал Гуров. – Как с кого-то требовать соблюдения законов, если сами не соблюдаем элементарного – не хотим считаться с дорожной разметкой?!

– Все под контролем!.. – Стас с суперменским видом лихо рулил по разбитому проселку, с маху объезжая ямы и колдобины. – Не дрейфь, Лева! Где наша не пропадала?!.

– Следи за дорогой, Шумахер! – снисходительно усмехнулся Гуров.

Вырулив из плотной мешанины кленов и тополей, они некоторое время ехали вдоль берега заболоченного озера, после чего дорога пошла в гору. Вскоре они остановились у высокого дуба, одиноко зеленеющего в окружении молодого осинового подростка. Закрыв машину и захватив с собой пластмассовые ведра, новоявленные грибники углубились под лиственный полог леса. Конечно, по такому случаю следовало бы обзавестись ивовыми корзинами или берестяными кузовами, но, за неимением лучшего, сгодились и синтетика.

– Какая красота, Лева! – озирая кроны берез и осин, освещенных солнцем, приближающимся к зениту, с ликованием провозгласил Станислав. – А воздух-то, воздух тут какой!

– Воздух – спору нет – исключительный, – согласился Гуров. – Но хотелось бы увидеть и обещанные подосиновики. Они далеко отсюда?

– Сейчас увидишь... – многозначительно уведомил его Крячко. – Еще минута, и...

– Кое-что, кстати, вижу уже сейчас, – с долей иронии перебил его Лев. – Во-о-н, метрах в двадцати, в кустах чьи-то зеленые «Жигули» стоят. Похоже, мы опоздали...

– Блин! – Стас выглядел обескураженным. – Вот зараза! Ну и что теперь будем делать?

– Как что? – Гуров чуть удивленно посмотрел на приятеля. – Искать грибы. Найдем – хорошо, не найдем – тоже не беда. Просто, как ты и собирался, походим, пообщаемся с природой. Между прочим, первый гриб я уже нашел. Узнаешь, что это за творение природы?

Лев указал на выпуклую бурую шляпку, выглядывающую из-под листвы.

– Ух ты! – Глаза Крячко загорелись неистовым азартом. – Настоящий подберезовик! Ты глянь, какая красотища! Ну-ка, срежь – не червивый ли?

Гуров достал из кармана складной ножик и аккуратно срезал у самой земли плотную, толстую ножку гриба. Понюхав его шляпку, он подмигнул Стасу и положил подберезовик в ведро.

– Да, давненько мы не были в лесу... Вообще-то, грибы я больше собирать люблю. А вот остальное – не очень. С ними же столько возни: перебрать, помыть, почистить... А еще надо или солить, или сушить, или жарить...

– А мне их готовить нравится, – Стас мечтательно причмокнул. – Их как нажаришь, да со сметаной, со специями – м-м-м-м! – объедение!..

Они вышли на полянку в центре небольшого осинника и остановились, дружно издав досадливый вздох при виде примятой травы и белеющих кружочков свежесрезанных грибных ножек.

– Да, тут нам делать нече... – начал было говорить Крячко, но осекся, увидев на другой стороне поляны лежащее на боку ведро с выпавшими из него крупными подосиновиками. – А это что такое? – недоуменно спросил он.

– Ты лучше глянь, что вон из того куста торчит, – Лев указал на подошву туфли, чернеющую среди зелени листвы.

– Охренеть! – первым подбежав к кусту дикой смородины, Стас оглянулся. – Да тут, смотри-ка, кто-то лежит. Мужик какой-то... Давай вытащим – может, еще живой?

Они выволокли из недр буйно разросшейся зелени уже начавшее коченеть тело мужчины лет шестидесяти с лишним. Одет грибник был в истертые спортивные брюки и теплую клетчатую рубашку. На его макушке кучерявились довольно редкие рыжеватые волосы с проседью. Под крупным ноздреватым носом топорщились густые рыжие усы. В целом лицо погибшего выглядело отечным, с багрово-синюшными пятнами. При этом на нем восковой маской навеки одеревеневших мимических мышц застыло выражение ужаса и крайнего отчаяния.

Распухшая шея с трудом умещалась в стянутом ее воротнике. Расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, Лев развернул воротник и увидел с правой стороны у основания шеи, ближе к яремному желобу, явный след колотого ранения, нанесенного чем-то наподобие толстого шила. Вокруг колотой ранки, из которой мелкими пузырьками выбивалась сукровица, кожа имела бледно-фиолетовый оттенок, в отличие от общего темно-багрового фона...

– Дела-а-а-а! Нашли, называется, «гриб» особо крупного размера, – доставая из нагрудного кармана рубашки незнакомца его водительские документы, прокомментировал Стас. – Так... Это у нас Горшутин Павел Семенович, сорок третьего года рождения, уроженец... Ого! Магаданской области! Надо же, из каких краев прибыл – Колымский край, золотые прииски... А вот проживает он в Москве, на улице Соборной. Права получил в декабре девяносто девя-

того... Ну, это дата общего обмена. У всех тогда «корочки» поменяли на ламинированные карточки. Как думаешь, что с ним могло приключиться?

– Похоже на удар каким-то острым колющим предметом... – внимательно осматривая шею умершего, негромко прокомментировал Лев. – Обрати внимание: абсолютно никаких признаков борьбы. Впечатление такое, что своего убийцу он увидел в самый последний момент. И очень его испугался.

– Но почему шея так сильно раздулась? Да и лицо, вон, как подушка? – с сомнением заметил Крячко. – Скорее всего, умер он часов восемь-десять назад. То есть, если бы это было из-за заноса инфекции, то ему надо было бы дня три ходить, чтобы запустить воспаление до такого состояния. Может, ему нанесли укол отравленным шилом?

– Я тоже так думаю, – кивнул Гуров. – Похоже на действие боевых отравляющих веществ. Можно предположить, что перед тем, как его ударить в шею, убийца смазал свое оружие чем-нибудь наподобие иприта или люизита. Видимо, не был уверен, что попадет в жизненно важный орган, вот и подстраховался. Тут он явно собирался пробить сонную артерию, но не рассчитал и промахнулся. Ну что, надо вызывать местных оперов... Пусть займутся этим успошим. Хотя, вообще-то, стоило бы подключить и нашего Дроздова. Что-то уж очень странная картина, почерк убийцы какой-то слишком уж вычурный, что ли...

Он достал свой сотовый и набрал номер главка. Вызвав дежурного, он попросил того связаться с райотделом, ведающим территорией, где произошло убийство. Поскольку до прибытия опергруппы ждать предстояло не менее получаса, Лев решил самостоятельно провести осмотр места происшествия. Он обошел всю поляну, внимательно всматриваясь в следы, оставленные на мягком лесном грунте подошвами туфель грибника. Их весьма характерный протектор присутствовал везде и всюду, но каких-либо иных следов обнаружить не удалось. Тот же самый результат был и у Стаса, который исходил все прилегающие чащобы, пытаясь найти пути подхода и отхода убийцы.

Лишь в одном месте Гурову удалось-таки найти пуговицу, втоптанную в землю каблуком грибника, которая не была похожа на пришитые к его рубашке. К тому же оторванных пуговиц у убитого не отмечалось, поэтому заведомо было ясно, что найденная пуговица вполне могла принадлежать убийце. Но почему же тот не оставил никаких следов? Не по воздуху же он летал?!

– Слушай, Лева, – выйдя из-за деревьев, окликнул Стас, – кажется, я понял, почему нет никаких следов этого мочилы. Вот, смотри – на сучке зацепился клочочек овечьей шерсти. Помнишь, году в девяносто восьмом мы взяли одного маньяка, который у Истры нападал на отдыхающих. Помнишь?

– Ну, как же! Такое не забывается... – Лев покачал головой. – Было, было... Ты хочешь сказать, что и этот сделал себе «лапти» из мягкого материала, чтобы иметь возможность бесшумно подкрадываться?

– Вот именно! – аккуратно завернув находку в лист лопуха, Стас спрятал вещдок в карман. – Похоже, и этот воспользовался той же методой.

– Да, вполне возможно... – согласился Гуров. – Одно непонятно: тот орудовал в местах, где отдыхающих в любое время суток было много. А тут людей, считай, не бывает. Тут маньяку делать нечего. Скорее можно предположить, что это или случайная, ситуационная мокруха, или убийца специально охотился именно за этим Горшутиным. Скажем, выполнял чей-то заказ, за что-то мстил этому человеку или убитый чем-то ему мешал. Кстати, обрати внимание: карманы убитого явно никто не обыскивал. Безусловно, это убийство не из корысти, а из каких-то других побуждений. Но вот каков его действительный мотив?

– Ну, уж это пусть тутошние опера раскручивают, – решительно отмахнулся Стас. – Нам и своих дел хватит... Сейчас приедут, передадим покойничка, вещдоки... Им и карты в руки.

– Знаешь, Стас, что-то мне подсказывает, что нам-то и придется это дело раскручивать до конца... – задумчиво отметил Лев, поднимая свое ведро.

– Типун тебе на язык! – Стас выразительно постучал костяшками пальцев по стволу березы. – Это же стопроцентный «глухарь»! Не-е-е-т, я не соглашусь! Мне вон еще нужно дорабатывать случай с расстрелом риелторской конторы.

– Так ты же вчера сказал, что уже выявил круг подозреваемых? – Гуров удивленно пожал плечами. – Ты же вчера ездил на следственный эксперимент именно по этому поводу.

– Лева, мало ли что я говорил?! – Крячко возмущенно фыркнул. – Ну, поспешил с выводами. Произошло своего рода головокружение от успехов. Вполне возможно, причастность подозреваемых придется перепроверять дополнительно. А это знаешь сколько времени займет? Так что на меня Петр, в случае чего, пусть и не рассчитывает. Не-е-е-т!.. – замотал он головой, как строптивая лошадь при виде ненавистного ей хомута.

Слушая его, Гуров неожиданно рассмеялся.

– Ох, Стас! Легко же ты купился на мой прикол! – Он похлопал расхолодевшего приятеля по плечу. – Я же просто хотел посмотреть на твою реакцию. А ты прямо с пол-оборота раскипятился... Аж пар из ушей пошел! Ладно, угомонись, не все так печально, как иногда кажется. Пошли встречать коллег.

Они вышли к дороге и слышали доносящийся из-за поворота дороги гул «уазовского» мотора. Пискнув тормозами, недалеко от крячковского «мерина» лихо притормозил милицкий «уазик» с мигалками на крыше. Из него выпрыгнуло несколько человек в форме и штатском, среди которых приятели увидели и вечно кислую физиономию судмедэксперта главка Дроздова. Один из прибывших вывел из багажника машины крупную поджарую овчарку.

– Здравия желаю, старший опергруппы капитан Жулаенко, – молодежато козырнул плотный подтянутый усач лет тридцати.

– Полковник Гуров, – Лев показал служебное удостоверение, – полковник Крячко, Главное управление угрозыска. Идемте, покажем вам своего «подосиновика»... Вернее, «подсмо-родинника», раз нашли его в зарослях смородины.

– Вы приезжали по грибы? – быстро сообразил капитан.

– Да вот же, – досадливо подтвердил Станислав, – по грибы. Всего один выходной удалось урвать, и тот насмарку. Вот тебе – здрастье-пожалуйста – покойничек, как на заказ.

– Такая уж наша сыскаря карма, – рассмеялся капитан. – Я тоже недавно с семьей ездил на природу. И что бы вы думали? Мои пацаны побежали к речке купаться, а через минуту как ошпаренные примчались назад: у самого берега увидели всплывшего утопленника. Тоже выходной был испорчен. А что поделаешь?

Немногословный кинолог потрепал пса по спине и что-то коротко ему приказал. Тот, припав носом к земле, заходил кругами по поляне и подле нее. Криминалист, получив вещдоки – пуговицу и клочок шерсти, – внимательно рассмотрел их через большую лупу.

– Пуговица от рабочего комбинезона, – уверенно объявил он. – Но, мне так кажется, здесь она валялась уже давно. Вот, края ободка явно потускневшие. Не похоже, чтобы ею пользовались последнее время. А вот шерсть... Ну, это надо будет уточнить в лаборатории. Тут с кондачка не скажешь, давно ли она здесь и каково ее происхождение.

Дроздов, надев тонкие перчатки, занялся убитым. Минут через десять он поднялся с корточек и уверенно объявил:

– Смерть наступила часов шесть назад. Конкретная причина не очень ясна, но ее, скорее всего, вызвало воздействие на организм какого-то сильного яда, занесенного орудием убийства. Удар был нанесен сверху, спереди, наискосок в направлении левого подвздоха. Глубина проникновения орудия убийства – сантиметров шесть-восемь. Ранение по своей локализации

тяжелое, но не смертельное. Главную роль здесь сыграл яд... Более точно смогу сказать после токсикологического исследования.

Вскоре прибыл фургон из морга, и двое крупных санитаров, упаковав убитого в пластиковый мешок, унесли его на носилках. Кинолог, закончив обследовать поляну и прилегающее пространство, сдержанно сообщил, что никаких следов убийцы найти не удалось. Не было найдено и орудие убийства.

– Висяк... Еще один висяк на нашу шею, – досадливо констатировал капитан. – У нас их уже и так целая коллекция. Теперь еще один в придачу... Блин! А что ж собачка-то ничего не нашла?

– Можно предположить, что убийца использовал спецсредство, маскирующее его запах, – пожал плечами кинолог. – Жизнь на месте не стоит... Криминал тоже старается идти в ногу с веком.

– Значит, если удар был нанесен спереди, в правую сторону шеи, то, выходит, убийца – левша? – прищурился Крячко.

– Что-то уж больно много среди криминальных элементов развелось левшей... – усмехнулся Гуров. – Этой зимой взяли левшу, который ограбил замминистра финансов, в прошлом году прокаженный левша, мир его праху, вершил суд Линча...

– Вообще, конечно, история эта более чем темная... – озирая поляну, вытоптанную множественностью ног, констатировал капитан. – Я даже примерно не могу себе представить картину происшедшего.

– Да что тут особо представлять-то? – чуть пренебрежительно хмыкнул Станислав. – Сценарий, я думаю, примерно был таков. Горшутин спозаранок прибыл сюда по грибы. Скорее всего, тут он бывал и раньше. Некто неизвестный, у которого были намерения убить Горшутину – мотивы тут могут быть самые разные, – хорошо знал, куда тот собирается поехать. Он или прибыл сюда заранее и поджидал свою жертву в чащобе, или прикатил следом. Выждав момент, подобрался поближе, пользуясь специальной обувью, поглощающей шум шагов, и внезапно набросился на Горшутину. Тот в последний момент повернулся к нему лицом, но было поздно – убийца успел нанести удар. Яд тут же подействовал, и потерпевший, ринувшийся убежать, упал лицом в кусты. Убийца скрылся...

– Ну, в принципе, да, картина реальная, – согласился Жулаенко. – Но если убийца нацелился конкретно на этого Горшутину, то почему он не потрудился спрятать тело убитого, почему бросил все, как есть? И еще... Непонятно, на чем он приезжал. На дороге следы всего трех машин – «жигуленка», принадлежащего убитому, «Мерседеса» и нашего «УАЗа».

– Кстати, он прав, – Гуров посмотрел на Станислава. – Я тоже, когда мы еще только приехали, обратил внимание на единственный, тянувшийся сюда след «жигуленка». Тут можно только предположить, что машина убийцы была оставлена им где-то вблизи дороги и сюда он шел пешком.

– А маскировать-то труп зачем? – Крячко развел руками. – Следов все равно никаких. К тому же, если бы мы сюда случайно не заглянули, лежал бы он тут неизвестно сколько.

– Родные, близкие могли знать, куда он ездит по грибы, могли поднять тревогу... – не согласился с ним Жулаенко. – Машина тоже оставлена, по сути, на виду.

– Ну, вот, ребята, вам и карты в руки, – хитро ухмыльнувшись, подмигнул Станислав. – Вот вы и найдите ответы на все эти заморочки. Удачи!

Вздыхая по так нехоти загубленному выходному, опера отправились к своей машине. Собирать грибы им расхотелось сразу же, как только был найден убитый. Поэтому о продолжении прогулки по лесу не могло быть и речи. Запустив двигатель, Стас сдал назад и, вырвав на дорогу, покатыл в сторону шоссе. В машине царил молчок. У обоих экс-грибников было такое ощущение, как если бы на белоснежную скатерть стола, за который они надумали

присесть, кто-то вылил банку густого мазута. До аппетита ли при лицеизрении подобного безобразия?

Стас, не глядя, на ощупь включил магнитола. Потыкав пальцем в кнопки диапазона, он наткнулся на хрипловатый баритон то ли Кутуньо, то ли Челентано (их Крячко не различал), и кабину заполонил звучный итальянский мелос.

– Пай-пай-пай-пай-пай! – чуть прикрыв глаза, с выражением подпевал он. – Ну, что, Лева, куда теперь, как в наше время выражались хиппи, кинем кости? Домой, что ль?

– Да мне домой ехать какой резон? – Гуров чуть поморщился. – Мария на гастролях... На стены тарашиться?

– Вот и я о том же! Зачем сидеть взаперти, тарашиться на стены, если есть вариант куда боле приятного времяпрепровождения. Скажем, можно было бы закатиться в какую-нибудь кафешку, посидеть за коньячком, шашлычком, полюбоваться красивыми женщинами... А? Ты как? – Стас залихватски подмигнул.

– Коньячок... – Лев постучал пальцем по панели машины. – Ты за рулем, уважаемый. Так что тебе светит только минералочка.

– А я и не собираюсь пить за рулем, – авторитетно заявил Крячко. – Сейчас отвожу тебя домой, отгоняю машину в гараж, а где-то через часок после этого мы встречаемся, скажем, у «Джомолунгмы». По-моему, кабацк путевоы. Не возражаешь?

– При одном условии, – строго предупредил Гуров. – Никаких выкрутасов! Ты хорошо понимаешь, что я имею в виду – никаких ресторанных знакомств, никаких выпендрежей и тому подобного. Договорились?

– Лева! О чем речь?! Можешь считать, что я – сама скромность. В общем, мы договорились: гуляем, безусловно, по-монашески тихо и кротко, в ресторане «Джомолунгма».

Через час с небольшим Лев подошел к помпезному стеклянному вестибюлю ресторана с нарочито вычурной светящейся вывеской «Джомолунгма». Вскоре из подрулившего к краю тротуара такси вышел Станислав. Принарядившись в добротный, отменно сшитый костюм, он заметно изменился, став куда более респектабельным и даже аристократичным, в сравнении с тем, что являл собой в своей неизменной вытертой кожанке и застиранной футболке. Оценив вающе посмотрев на Гурова, он одобрительно кивнул.

– Английские лорды отдыхают... – объявил он. – Да, жаль, что ты у нас однолюб, а то ведь могли бы так загулять, так загулять... М-м-м-м! А, Лева? Ведь могли бы...

– Что-то это мне напоминает... – рассмеялся Гуров. – Ты решил ввести меня во искушение, гражданин лукавый? Зря стараешься – этот номер не пройдет. Программа посиделок такова: чинно, скромно обедаем и до завтра расходимся, как в море корабли. Можешь снимать кого захочешь, или еще там чего, а я лучше махну куда-нибудь типа Третьяковки, Исторического и так далее. Я там уже сто лет не был. А надо бы... Ведь это ж стыд и срам: жить в Москве – и игнорировать историческое, культурное наследие.

– Ну, ты, Лева, сказал! – преувеличенно восхищенно причмокнул Стас. – Прямо как Петр, когда толкает речь «по поводу» на официальном тусняке... Ладно, пошли уж перекусим, правильный ты наш!

Миновав невольно подтянувшуюся при их появлении охрану, приятели проследовали в зал и, заняв столик у окна, окинули профессиональным взглядом присутствующую в ресторане публику. Пара, сидевшая за соседним столиком – молодые мужчина и женщина лет тридцати, – в большей степени походили на представителей вузовской науки. Чуть дальше веселилась компания несколько богемного вида, скорее всего, что-то типа рок-поп-кантри-квинтета откуда-нибудь из Вологды или Тамбова. Еще дальше сидела молодая парочка – типичные «влюбляшки», как именовал таких Крячко. Так он называл сторонников «одноразовой» любви, которые в течение всего одного дня успевали познакомиться, посидеть в ресторане, где-нибудь

«покувыркаться» и поздним вечером расстаться без сожалений и обязательств друг перед другом, чтобы наутро спешить навстречу новым, столь же скоротечным встречам.

С другой стороны, сдвинув стулья, за столом теснились, скорее всего, студенты, отмечавшие что-нибудь наподобие удачной сдачи летней сессии. Невдалеке от студентов за богато накрытым столиком неспешно беседовали двое мордастых бритоголовых мужичков в дорожных костюмах от какого-нибудь кутюрье. Неожиданно зоркое око Станислава уловило у входа в зал двух молодых особ очень даже приятной наружности. Те несколько растерянно озирались по сторонам, судя по всему, не зная, куда направиться. Впрочем, одна из них, худощавая стройная брюнетка, была заметно побойчее своей подруги, светловолосой, круглолицей, типичной тихони. Быстро о чем-то спросив метрдотеля, брюнетка решительно взяла свою не в меру застенчивую подругу за руку и направилась в глубь зала, к столику, за которым сидели Гуров и Крячко.

– Ба! Какие симпатяги направляются к нашей гавани... – быстро известил Станислав. – Надеюсь, ты не станешь возражать, если они кинут якорь за нашим столом?

– Возражать не стану, но ухаживать будешь один сразу за обеими, – столь же быстро уведомил его Гуров.

– Заметано! – Стас жизнерадостно ухмыльнулся, краем глаза наблюдая за девушками.

Те на типичных завсегдатайш ресторана похожи не были. Скорее всего, в таких заведениях они появлялись нечасто. Как предположил Крячко, брюнетка решила вывести в свет свою подругу, которая рисковала засидеться в девках в силу своей чрезмерной закомплексованности. Когда девушки проходили мимо стола бритоголовых, один из них неожиданно схватил светловолосую за руку и, изобразив «суперменскую» улыбочку, нагло поинтересовался:

– Девочки, вы куда? Места для вас уже приготовлены, все включено...

– А можно без рук? – оглянувшись, неприязненно спросила брюнетка.

– Да ладно ломаться-то... – по-хозяйски, оценивающе глядя на подруг, с пренебрежением обронил другой. – Садись, пока приглашают по-хорошему.

– Эй, любезный! – постучав вилок по краю пустого фужера, внушительно окликнул Станислав. – А тебе не кажется, что здесь себя так вести не положено?

– Чего?! – переглянувшись, бритоголовые повернулись в сторону оперов. – Это ты кому базлаешь, фраер? – высокомерно изрек первый, не выпуская руки девушки.

– Был ты, Сыч, дурак – дураком и остался... – повернувшись в его сторону, чуть заметно усмехнулся Гуров. – Ну, что вытаращился? В общем, так. Даю вам обоим пять минут, чтобы все доесть и допить. А потом чтоб вашего духу тут не было.

Сыч, ошалело захлопав глазами, растерянно разжал пальцы и быстро отвернулся, нервно наливая в рюмки водку из хрустального графинчика. Второй, пораженный реакцией приятеля, удивленно вытянул шею, указывая глазами в сторону Гурова.

– Это кто? – сдавленно спросил он Сыча.

Тот пробормотал в ответ что-то маловразумительное, после чего они торопливо принялись уничтожать остатки водки и закуски. Девушки подошли к столу оперов, и брюнетка лихо поинтересовалась:

– Позволите? Мы вас не стесним?

– Ни в коем разе! – горячо заверил Крячко, вскакивая с места и пододвигая незнакомкам стулья. – Присаживайтесь! Будем только рады.

– Только сразу договоримся: себе мы заказываем сами, сами и расплачиваемся. Хорошо? – улыбнулась брюнетка.

– Хм... Ну, как вам будет угодно... – Стас пожал плечами. – Будем знакомы: Станислав, можно – Стас. А это – Лев Иванович. Можно просто – Лев.

– Вероника, можно Ника, – охотно представилась та. – А это Юля.

В этот момент к столу подошла официантка. Стас, на правах ресторанного завсегдатая, заказал бутылку коньяка и немалое количество закуси, отдав предпочтение всевозможным недешевым деликатесам. Обычно его заказы бывали куда скромнее. Как понял Гуров, выбор его был продиктован присутствием за столом дам. Ну не мог Крячко не «блеснуть оперением»!..

Девушки заказали второе, мороженое и кофе с пирожными. Поймав его удивленный взгляд, Ника пояснила:

– Следим за калориями – нам толстеть никак нельзя.

– Но вы не из фотомодельного бизнеса, – явил проницательность Станислав. – Хотя могли бы сделать там отличную карьеру. Скорее, вы из медицины, педагогики...

– Хм... – Ника удивленно повела бровью. – Да вы прямо Шерлок Холмс – вам бы сыщиком работать! Да, мы из педагогики. Приехали из Перми на повышение квалификации, на две недели. Вот, знакомлю Юлю с Москвой. Я-то здесь бывала уже не раз, а она лишь проездом. А чем занимаетесь вы, если не секрет?

– Вы тоже почти угадали – мы сыщики, – откинувшись на спинку стула, Стас широко улыбнулся.

– А-а-а, тогда понятно, почему эти двое «фантомасов» так живо вымелись отсюда, – рассмеялась Ника, кивнув в сторону уже успевшего опустеть соседнего столика. – А мы сюда зашли, свободных столов не видно. Спросили метрдотеля, он посоветовал к кому-нибудь подсесть. Ну, вот, мы и решили подойти к вам. Интуиция... Порядочных людей я легко отличаю от тех, кого следует сторониться.

– Вашему мужу, мне так кажется, с вами приходится нелегко. – Крячко снова блеснул улыбкой, принимая заказ у подошедшей к столу официантки. – Ведь стоит ему только запланировать «ходку налево», как вы уже знаете о его тайных умыслах...

– И опять вы попали в «яблочко», – Ника со вздохом покачала головой. – Именно поэтому я и осталась одна... Это я бы назвала «эффектом Кассандры».

– Кассандра, Кассандра... А! Это какая-то предсказательница, если не ошибаюсь, – вспомнил Стас и мельком взглянул на своего друга и соратника.

По всему было видно, что Льву все это не слишком нравилось, поэтому, поспешив наполнить рюмки, Стас провозгласил:

– Предлагаю тост за прекрасных дам! Пью за то, чтобы в их жизни все складывалось наилучшим образом, несмотря на их несравненную интуицию и потрясающую проницательность!

Они с Гуровым чокнулись и выпили. За столом некоторое время царил тишина, нарушаемая звяканьем вилок и ножей.

– Попытаюсь угадать, – наполняя рюмки, вновь заговорил Станислав. – Вы, Ника, преподаете физику или математику. А Юля – историю или литературу.

– Вот здесь вы ошиблись... – почему-то посмотрев не на него, а на Гурова, впервые за все время заговорила Юля. – Все как раз наоборот – я веду физику, а Ника – литературу и русский язык.

– А давайте выпьем вчетвером за то, чтобы никто из нас в жизни никогда не ошибался! Ну, по капельке... – подмигнул он Нике.

Немного подумав, та решительно махнула рукой:

– Ну, по капельке так по капельке! Юль, ты не против?

После третьего или четвертого тоста разговор за столом оживился. Девушки рассказывали о различных курьезах из школьной практики, опера повествовали о своем. Неожиданно у Гурова ожил в кармане его сотовый.

– Уж не Петр ли? – насторожился Крячко.

Извинившись, Лев достал телефон. На мониторе высветился номер Марии.

– Лев, привет! – Голос Марии звучал бодро и жизнерадостно. – Как дела?

– Да ничего, все нормально. – Лев старался говорить столь же оптимистично, но чувствовал, что это получается не очень. – Сегодня у нас со Стасом выходной...

– А, догадываюсь! – Мария рассмеялась. – Вы сейчас в ресторане – шум доносится такой специфический. Ну, раз ты со Стасом, то все понятно – он и медведя уломят выпить. Кстати, вы там одни? – с нарочитой многозначительностью спросила она.

Лев на секунду замешкался. Врать Марии не хотелось, а сказать правду... Сможет ли она понять правильно?

– В принципе, одни... – неопределенно ответил Гуров, чувствуя, что спине внезапно стало горячо.

– А если не в принципе? – чуть растерянно уточнила Мария.

– А если не в принципе, то с нами тут рядом участники одного симпозиума.

– Понятно, – голос Марии вновь повеселел. – Ну, удачи вам, привет участникам симпозиума.

Попрощавшись, Лев спрятал телефон и укоризненно посмотрел на Крячко.

– Лева, ты на меня должен смотреть не с таким явно выраженным упреком, а с благодарностью. Между прочим, я избавил тебя от серьезной семейной разборки. – Стас назидательно воздел указательный палец.

Все снова принялись за трапезу, но едва Стас успел наполнить рюмки коньяком, как в кармане Гурова снова дал о себе знать сотовый.

– Господи пронеси! – Крячко шутовски перекрестился. – Только бы не наш хэнэраль-лэйтэнантиссимус!..

Но, как бы в пику его неприятию, Лев услышал в трубке озабоченный голос Петра Орлова.

– Лева, вы со Стасом где сейчас? В лесу? Небось уже все грибы собрали? Э-э-э... Что-то этот шум не очень похож на шелест листьев... Вы что, в кабак закатились покутить?

– Ну, почему же не похож? – усмехнулся Гуров, заранее понимая, о чем будет следующая фраза Орлова. – Можешь считать, что мы в лесу. Как там у Высоцкого? «...Где-то в дебрях ресторана...» Ты уж давай без дальних закидонов. Что там у тебя опять?

– Лева, заранее прошу извинить, что отнимаю выходной, но вам нужно срочно приехать ко мне. Есть одна тема, надо бы обсудить...

Вытянув шею, Стас вслушивался в то, что говорил Петр, и с каждым мгновением все больше и больше хмурился, недовольно барабанил пальцами по столу.

– Ну что, Лева, вас через сколько ждать? – как уже о чем-то решенном спросил Орлов.

Стас беззвучно прокричал: «Ни через сколько! Фиг тебе!» Лев, глядя на него, невольно рассмеялся.

– Тут вот Стас уж так рад, уж так рад твоему звонку! Прямо-таки рвется в управление, – с сарказмом заметил он. – Скажи уж откровенно: опять приготовил нам очередной «хомут», который на тебя навесили в министерстве?

– Да, Лева... Убит президент крупного банка. Хороший знакомый нашего замминистра. Улавливаешь подтекст? То-то же... – Орлов тягостно вздохнул. – С нас живых не слезут. Поэтому чем раньше засучим рукава, тем раньше от нас отвяжутся и тем меньшие потери понесем. Я думаю, ты понимаешь, о чем речь.

– Ладно, куда ж от тебя денешься?... – Лев безнадежно махнул рукой и спрятал телефон в карман.

– Что, что, что?... – В глазах Крячко как на дрожжах разрасталось безмерное удивление. – Ты согласился? Ну и езжай один! А мне и здесь хорошо. У меня законный выходной!

– А я тебя туда конвоировать и не собираюсь, – Лев пожал плечами. – Вольному – воля...

Он достал из кармана и положил под донышко опустевшего графинчика крупную купюру. Немного помедлив, предложил:

– Ну что, на посошок?

Опрокинув свою рюмку, он поднялся из-за стола.

– Да ладно, пошли уж вместе... – недовольно морщась, следом поднялся и Крячко, тоже доставая из кармана деньги. – Нукусь, телефончик свой изобрази? А я тебе сейчас свой оставлю...

Они обменялись номерами телефонов. Неожиданно из-за стола поднялась и Юля.

– Наверное, тоже поедem в гостиницу? – предложила она. – А то вдруг вернутся эти «фантомасы»? Что-то мне с ними встречаться не хочется.

Вчетвером они вышли на уже вечеряющую улицу и, взяв такси, помчались в сторону гостиницы, где проживали девушки.

Глава 2

В предбаннике Орлова было пусто – Верочка уже ушла домой.

Без особых церемоний толкнувшись в дверь кабинета Петра Орлова, Гуров увидел своего приятеля-начальника склонившимся над какими-то бумагами, разложенными на столе. Тот поднял голову и «начальственно» улыбнулся, изобразив рукой приглашающий жест.

– Заходите, заходите, присаживайтесь... – приветливо заговорил он. – Сейчас, вот, чайку поставлю. Посидим, потолкуем...

– Ой, только не надо такие ласковые заходы делать! – сердито буркнул Стас, плюхаясь в кресло. – Какой, блин, вечер обломил!

– Что, хороша была соседка по столу? – Петр хитро подмигнул. – Да ладно тебе переживать-то! Ты свое всегда возьмешь... Телефончик-то небось попросить не забыл?

– Не забыл, не забыл! – отмахнулся Крячко. – Рассказывай, что там за «глухаря» нам припас.

– Ну, не совсем это и «глухарь»... – возразил Петр, доставая сигарету. – Ситуация, в общем, такова. Вчера утром в одной из комнат своего загородного дома был найден без признаков жизни президент банка «Мегаполис – Джи Экс Эл» Алексей Толкуновский. Нашла его домработница, которая была обеспокоена тем, что хозяин слишком долго не выходит из спальни.

– Он женат, дети есть? – Стас поморщился, как от зубной боли. – Почему его нашла именно домработница?

– Он женат, жена с детьми отдыхала на Канарах. У него там свой собственный дом, – неспешно дымя сигаретой, пояснил Петр. – Сегодня уже прилетели. А сразу не хватились потому, что Толкуновский сам приказал его не беспокоить. Он увлекался йогой и восточной философией. Преимущественно буддизмом. Медитировать мог часами, если не сутками. Видимо, хотел достичь того же просветления, что и сам Будда.

– Какого еще просвещения... то есть, просветления? У него что, было помрачение и он возомнил себя Буддой? – недоуменно вытаращился Крячко.

– Индийский принц Гаутама Шакьямуни познал все свои былые кармические воплощения и стал зваться Буддой, что означает «просветленный», – без назидательности, но с явной смешинкой в голосе пояснил Гуров. – Вот и банкир, видимо, тоже хотел достичь такой же просветленности, узнав, кем он был в прошлых жизнях. Тема, кстати, сегодня очень модная. С этими кармами и перевоплощениями иные, что называется, на ушах стоят...

– Постой, постой... – Стас вскинул руку, требуя внимания. – А с чего это взяли, что его кто-то убил? Может, он так ушел в этот самый астрал, что и возвращаться не захотел? Там же, говорят, сплошная нирвана. Или, говоря по-нашему, вечный кайф.

– Да нет, у него не вечный кайф, а вечный покой, по причине колотого ранения, нанесенного несколько выше области поясницы... – Петр многозначительно повел головой. – Убийца, который неизвестно как проник в спальню – она была заперта изнутри, – нанес удар сзади, предположительно чем-то наподобие длинного толстого шила.

Гуров и Крячко удивленно переглянулись. Стас даже присвистнул.

– Что? Об этом что-то уже слышали? – насторожился Орлов, пристально глядя на них.

– Не слышали, а видели, – задумчиво ответил Лев, потирая пальцем переносицу. – В том леске, где Стас вчера заметил уйму подосиновиков, мы сегодня нашли труп грибника с похожим ранением. Удар был нанесен в шею, причем, как считает Дроздов, рана сама по себе не была смертельной. Человек умер от яда, занесенного орудием убийства. Мы его передали местным операм. Они сейчас занимаются этим делом.

– А когда был убит этот грибник? – Петр, судя по всему, был очень заинтригован услышанным.

– Дроздов считает, что сегодня ранним утром, – тоже о чем-то задумавшись, сообщил Стас.

– Ни хрена себе... – Орлов почесал затылок. – Вот это производительность! Один и тот же киллер отправил на тот свет двух человек с разницей в сутки. Причем находящихся друг от друга почти в трех десятках километров. Дела... Тогда я даже не представляю себе, каковы могут быть мотивы этих двух убийств.

– А почему ты считаешь, что действовал один убийца? – Стас с некоторым вызовом посмотрел на него, опершись руками о колени. – А что, если это или какая-то банда или секта? Почему бы нет? Надо проверять областные и городские сводки за всю эту неделю. Может, подобных случаев уже чуть ли не десяток, а на происходящее обратили внимание только потому, что среди убитых оказался банкир. Кстати, время его смерти и обстоятельства происшедшего установлены?

– Вот, изучайте... – Петр протянул тоненький скоросшиватель. – Тут вся исходная документация.

– Что-то наработали жиденько... – Взвесив на руке скоросшиватель, Лев раскрыл его и углубился в изучение подшитых документов. – Так, что тут у нас? Протоколы, справки, акты экспертизы... Ну-ка, ну-ка... Значит, орудие убийства здесь тоже не найдено. Предположительно – полированный, заточенный металлический стержень слегка конической формы длиной около ста двадцати миллиметров. Скорее всего, стержень несколько изогнут, его толщина у основания около семи миллиметров...

– Что-то это мне напоминает!.. – Стас на мгновение задумался. – А! Точно! Зуб от вил. Занятный вариант... Это что же, если булыжник – оружие пролетариата, то колхозные вилы – последний писк киллерской моды?

– Да, действительно, довольно странный выбор орудия убийства... – Петр бросил окуроч в пепельницу. – И в самом деле отдает какой-то ритуальщиной. Вы на всякий случай проверьте и эту версию.

– А мы что, уже дали согласие начать расследование по этому происшествию? – Стас искоса воззрился на Орлова. – По-моему, речи об этом пока еще не было.

– Было – не было... – устало отмахнулся тот. – Думаю, это в обсуждении не нуждается. Приказ отдан оттуда! – Петр ткнул пальцем в потолок.

– Интересный момент! – Не слушая их, Лев продолжал изучать документы. – На месте убийства вообще не найдено каких-либо следов или улик. Ничего! Ни отпечатков пальцев, ни следов обуви, ни волоска, ни ниточки. Единственное, что дает повод к размышлению, – открытое окно спальни. Но она на втором этаже, а ни на подоконнике, ни на наружной стене тоже никаких следов.

– Значит, можно снимать очередную серию детского боевика «Карлсон разбушевался», – хохотнул Стас. – А ты говоришь, «не глухарь»... Ну, вот за что тут зацепиться? Ситуация – как бильярдный шар: ни сучка, ни задоринки.

– А вот на то вы и опера, чтобы суметь найти и «сучок», и «задоринку», – Орлов изобразил внушительный жест рукой. – Дерзайте!

– Ну что, пошли, подержаем?... – Потянувшись, с едкой ухмылкой Стас покосился в сторону Гурова и поднялся с кресла. – В смысле, проявим должную, так сказать, смекалку и инициативу.

– Да пошли уж... – Лев тоже поднялся и, небрежно помахав Орлову рукой, направился к двери.

Выходя следом, Стас не преминул изобразить шутовской реверанс, на что Орлов лишь сокрушенно вздохнул с выражением полной безнадеги на лице. Выйдя на улицу, Стас закурил и протянул пачку Гурову.

– Да нет, спасибо, что-то не тянет... – отказался тот. – А ты сейчас куда? На свиданку к Нике?

– Вообще-то, да... – пыхнув сигаретой, признался тот. – Могу и тебя взять. Думаю, Юля будет мне очень за это признательна.

– Нет, друг, спасибо – ты же меня знаешь...

– Значит, домой? – сооротив понимающую мину, поинтересовался Стас.

– Нет, созвонюсь с Амбаром, попробую что-нибудь выведать через него. Вдруг в криминальных кругах что-то просочилось? – Гуров достал свой сотовый.

Набрав номер Константина Бородинкина, своего бессменного информатора, он коротко извещил:

– Через час встречаемся.

Обменявшись со Стасом рукопожатием, Лев направился к станции метро. Спускаясь вниз на эскалаторе, стоя на платформе в людской толчее, он размышлял о возможных перипетиях предстоящей работы. Вернее, старался заставить себя думать о ней, но мысли вертелись вокруг Марии. Через полторы недели трупка должна была вернуться из Индии... Не так давно Мария рассказывала по телефону, что им, в порядке культурной программы пребывания, уже показали Ганг – священную реку индусов – и покатали на слонах. Всего через каких-то десять дней она обязательно приедет! А потом до середины осени их трупка будет работать сразу над двумя новыми постановками.

– Вот тогда, Лева, я постоянно буду дома. Как бы еще не сказал потом, что надоела до чертиков зеленых! – Смеясь, Мария потрепала кончик его уха.

Лев невольно улыбнулся своим мыслям. Когда ж это такое было, чтобы она ему надоела?! На душе вдруг сразу стало легче, и Гуров начал пробираться к дверям вагона – приближалась его остановка.

Невдалеке от станции метро, в подвале старинного дома размещалась небольшая пивнушка под названием «Костюхин погребок». После того как Бородинкин едва не «спалился», когда во время их беседы в пивной «Тараканище» туда заявился один из приятелей Амбара, Гуров решил в очередной раз поменять «явку». Как-то, проезжая по городу, он обратил внимание на вывеску кафе. Созвучие с именем Амбара его вначале позабавило, а потом навело на мысль – сделать «Костюхин погребок» новым местом встреч со своим информатором.

Отхлебывая пиво, Лев неспешно излагал обстоятельства того, о чем Бородинкин должен будет выведать в среде криминальных личностей.

– ...Уже двоих человек уложили таким вот шилом. Ну, это те, о ком нам известно. Возможно, есть и другие, о которых мы пока еще не знаем. Главное, убийца работает очень чисто, следов не оставляет вообще никаких. Кто он, за что убивает – непонятно. Провентилируй это дело, может, кто-то чего-то видел, слышал, знает?...

– Бу сделано, Лев Иваныч! – прожевывая воблу, закивал Амбар. – Скоро не обещаю, потому как дело, сразу видно, непростое, но, как только что узнаю, – сразу же вам звоню.

Выйдя из «погребка», Гуров снова направился к метро. Но ехать домой не хотелось – что делать одному в четырех стенах? Поэтому он решил идти пешком. Еще древние философы рекомендовали длительные пешие прогулки перед сном как весьма эффективное средство от меланхолии и бессонницы. Лев шагал по улицам, стараясь думать о чем-то отвлеченно-нейтральном, но достаточно позитивном. Он рассеянно смотрел на встречающих пешеходов и вспоминал прошлогоднюю поездку с Марией на Черное море. Да-а-а... Это было незабываемо – тихие знойные вечера, прогулки по почти опустевшему пляжу, тихий плеск волн, набегающих на песок. Удастся ли съездить туда в этом году? Хотя бы в сентябре.

Но неожиданно в памяти всплыли и воспоминания совсем иного рода, никак не вписывающиеся в безмятежный позитив. Увы, имело место быть и такое... Это случилось во время одной из их с Марией поздних прогулок по пляжу. Когда они были уже в десяти минутах

хотьбы от ворот санатория, внезапно, вынырнув из сумерек, перед ними предстали трое крупных парней с нехорошим, явно наркоманским блеском в глазах. Средний, с южными чертами лица, скорее всего главарь, держал в руке пистолет. Его подручные, в большей степени похожие на славян, были вооружены ножами.

– Бабки, золото – быстро! – вскинув пистолет, приказал главарь. – И ни звука – уложу на месте.

Молча достав из кармана бумажник, Гуров спокойно подал его главарю. Но едва тот протянул руку, последовал молниеносный удар ногой по его пистолету. Увесистая смертоносная железка мгновенно улетела куда-то в темноту, а Гуров, не давая опомниться налетчикам, прямыми точными ударами правой и левой в долю секунды отправил в нокаут грабителей с ножами. Явив неплохое владение приемами джиу-джитсу, главарь попытался взять реванш, но его атака на строптивого «клиента» захлебнулась, едва начавшись. Пара эффективных, мастерски проведенных приемов боевого самбо привела его в состояние полной потери ориентации в пространстве и времени.

Когда милицейский наряд доставил задержанных Гуровым налетчиков в местное отделение милиции, там выяснилось, что за этим криминальным «трио» тянется длинный след грабежей и даже убийств. Законченные героинщики действовали нагло и дерзко, беспощадно пуская в ход оружие при малейшем сопротивлении своих жертв.

Лев, сопровождавший негодяев в отделение, расписывать Марии подробности криминальных «подвигов» местных отмороzków не стал, чтобы понапрасну ее не беспокоить. Но женские языки все его старания свели на нет. На следующее же утро соседки по санаторию «просветили» Марию, существенно преувеличив свирепость задержанных бандитов, после чего она несколько вечеров подряд опасалась выходить за пределы охраняемой территории.

Вспоминая эти события, Лев ностальгически улыбнулся – несмотря на всевозможные мелкие неприятности, неминуемо сопутствующие реальной человеческой жизни, прошлое лето все равно было замечательным. И самое главное его достоинство – оно уже никогда не повторится. Хорошее ли, плохое ли оно выдалось – второго такого уже не будет. И каждое лето, как ни отмахивайся от этого факта, неминуемо приближает его, Льва Гурова, к общему для всех финалу – к тому дню, когда, проснувшись утром, он вдруг вспомнит, что спешить-то ему уже и некуда. Что кто-то другой откроет дверь его кабинета и отправится ловить каких-то других жуликов. А у него не будет необходимости даже подниматься с постели – отспешился... Бр-р-р-р!..

Потому-то и шагал он по тротуару, испытывая неизъяснимое удовольствие от ощущения легкости и упругости своей походки, от ощущения еще не ушедшей молодости и бездны нерастраченных сил. Мимо проносились потоки машин, кто-то спешил на танцы, в театр, на тусовки...

Неожиданно кто-то его окликнул. Гуров повернул голову и увидел молодую, очень привлекательную женщину, которая как-то угловато шагнула к нему и, изобразив искусственную, принужденную улыбку, запинаясь, спросила нарочито веселым голосом:

– Мужчина, вам не скучно?

Лев хотел уже было пройти мимо, не обращая внимания на явно начинающую «труженицу панели», но что-то умоляющее в ее глазах остановило.

– А что, есть какие-то предложения? – как бы заинтересовавшись, спросил он, быстрым взглядом оценив окружающую обстановку.

У края тротуара, фальшиво улыбаясь, стояли еще три молодые особы, с показной лихо-стью дымящие сигаретами. Невдалеке от них хмуро околачивались двое типичных «быков», один из которых внимательно следил за той, что подошла к Гурову.

– Прошу вас, выручите меня! Я в безвыходном положении! – быстро прошептала она и уже другим, нарочито игривым голосом продолжила: – У меня есть что вам предложить. Или вы в этом сомневаетесь?

– Верю, верю... – Гуров говорил ей в тон, при этом незаметно кивнул головой, давая понять, что понял ее и согласен помочь. – А кто тут у вас командует парадом?

«Бык», поняв по ходу разговора, что «телка» с «клиентом» нашла общий язык, неспешно приблизился и с торгашескими интонациями поинтересовался:

– Берете? Два «рубля» – час. На всю ночь – «пятак». Транспорт и номер предоставляем.

Достав из бумажника две тысячные купюры, Гуров внимательно их осмотрел, как бы желая убедиться, что это именно тысячные, а не пятидесятые и не сотенные бумаги, и отдал деньги «быку». Тот кивнул в сторону белой «Ауди» с плотно тонированными стеклами и предложил:

– Пожалуйста, можете отправляться. Все включено.

Сев в машину, Лев вопросительно указал взглядом на шофера. Поняв его безмолвный вопрос, женщина утвердительно кивнула – шофер входит в сутенерскую банду. Когда они, проехав квартал, свернули в переулок, Гуров неожиданно приказал:

– Здесь останови!

– А в чем дело? – удивленно обернулся тот. – У меня инструкция – везти точно до места назначения. Там...

– Я сказал: останови здесь! – В голосе Льва ощутимо зазвучал металл.

Растерянно пожав плечами, шофер вильнул к тротуару, быстро доставая мобильник.

– А вот этого делать не надо. – Вырвав из его руки телефон, Гуров закрутил руку шофера за спинку водительского кресла и быстро проверил карманы на наличие оружия. – Я полковник Гуров, Главное управление угрозыска. Поэтому рыпаться не советую – хуже будет. Рассказывайте, что у вас произошло, – повернулся он к женщине.

– Сегодня утром я приехала в Москву, в гости к своей двоюродной сестре, – ломая пальцы, торопливо заговорила та. – В купе познакомилась со своей попутчицей. Она представилась сотрудницей модельного агентства, предложила там работу. Ну, я, собственно говоря, и планировала здесь где-нибудь устроиться. Эта, из модельного агентства, меня уговорила сначала заехать к ним в офис – мол, оформишься, а уже потом отвезем тебя к сестре. Когда мы приехали в это самое агентство, то я поняла, что попала в западню. У меня отобрали деньги и документы, ввели какой-то наркотик, после чего я потеряла сознание. Очнулась часа через три или четыре. Мне сказали, что я «посажена на иглу» и теперь без наркотика не проживу и суток. Еще сказали, что должна буду работать на панели. Я попыталась возражать, но мне обмотали руки проводами и включили ток. Я снова потеряла сознание. После этого уже боялась что-либо им сказать...

– Остальные тоже, как и вы, – работают по принуждению?

– Да, всех, как и меня, заманили обманом. А потом тоже посадили на иглу. Там вон стояла рыжая Люська. Так она у них уже около года в рабстве.

– Все понятно...

Не выпуская руки шофера, Гуров достал свой сотовый и, набрав номер дежурного управления, в нескольких словах объяснил ему ситуацию, сообщив место, где находится в данный момент, и номер машины.

Неожиданно зазвонил мобильник шофера.

– Кто может звонить? – доставая из кармана его телефон, жестко спросил Гуров.

– Бригадир... – неохотно ответил тот.

– На, разговаривай, но не вздумай свалить дурака! – предупредил Лев, сунув в его свободную руку мобильник.

– Да, Витек, слушаю... – бесцветным голосом сказал шофер, поднеся телефон к уху.

– Клиент с телкой уже пихается? – чуть слышно донеслось до Гурова.

Шофер покосился в его сторону. Лев утвердительно кивнул.

– Да, уже пашет всю... – подтвердил тот.

– Вован, а ты чё ж тогда не едешь назад? Тут еще клиент нарисовался, а Петька только что уехал, – сердито известил бригадир.

Гуров ткнул указательным пальцем в пол машины.

– Так он это, клиент, значит, телку задействовал прямо в машине. Видно, было невтерпех... – понятно пояснил шофер.

– Это чё, прямо при тебе, что ль, гоняет?! Во дает мужик! Ну, давай, как только закончит, телку вези сюда, – распорядился его собеседник.

Когда разговор закончился, Лев снова забрал мобильник.

– Правильно, тебе это зачтется, – утвердительно кивнул он в ответ на унылый взгляд шофера.

Пискнув тормозами, рядом с «Ауди» затормозил ничем не приметный «Баргузин». Из его кабины вышел рослый капитан в сером камуфляже.

– Выходим! – приказал шоферу Гуров.

– Капитан Бочаев, – представился прибывший. – Товарищ полковник, мне сообщили, что вы взяли человека, связанного с бандой сутенеров. Со мной группа захвата, прибыли для их задержания.

– Выкладывай, – Лев повернулся к шоферу, – сколько там человек, как рассредоточены, пути передачи денег.

– Ну, там трое, – поеживаясь, заговорил тот, – Витек – бригадир, Зураб – его помощник, есть еще Колька, охранник. Бабки берет Витек, они только у него. К нему каждые два часа подъезжает инкассатор и забирает наличку.

– Так... Ну, взять-то мы их возьмем... – задумался капитан. – Но эти уроды выкручиваться умеют из любого положения. Даже если потерпевшая укажет на них, могут сказать, что видят ее впервые...

– Если «бригадир» деньги сдать не успел, у него должны быть две купюры, которые я ему дал. Во-первых, на них есть мои отпечатки, во-вторых, я запомнил их номера. Так что нам понадобятся понятия. Возьмем – не открутятся.

...На сутенерской «точке» тем временем продолжалась бойкая торговля «живым товаром». Когда подрулила вернувшаяся «Ауди», ни «бригадир», ни его подручные не заподозрили никакого подвоха. К тому же почти одновременно подрулил «Форд», на котором прибыл инкассатор. Каково же было изумление Витьки и Зураба, когда вместо шофера Вована и их секс-рабыни из «Ауди» стремительно десантировались четверо рослых спецназовцев в масках, с автоматами в руках. В мгновение ока вся сутенерская «бригада» и «инкассатор» с шофером были уложены на асфальт.

Тут же подлетел «Баргузин», из которого вышли Гуров и капитан Бочаев. Как и предполагал капитан, «бригадир», которого посадили в пассажирское отделение автофургона, от всего старательно отказывался и никого не хотел узнавать. Но когда при понятых Гуров цифра в цифру назвал номера своих купюр и они были найдены в пачке денег, вынутой из кармана сутенера, тот сразу же сник и неохотно начал давать показания. Поручив своему заместителю продолжить допрос, Бочаев вышел из машины. Закурив, он сокрушенно посетовал, указав Льву на стоящих неподалеку секс-рабынь:

– Восемь человек, уроды, посадили на иглу. Считайте, бо́льшая часть из них навсегда останется хроническими наркоманками. От этой дряни им не излечиться. За одно это, блин, пожизненный срок надо давать!

– А что за наркотик? – тоже закуривая, спросил Гуров.

– Какой-то новый, синтетический, называется клюосин... Говорят, героин в сравнении с ним «отдыхает». Он уже везде пошел, этот клюосин долбаный. Знакомый из отдела по борьбе с наркотиками рассказывал, как им доставили одного наркошу. Тот решил с геры перейти на клюосин. Ну и вколол себе для пробы. Пэпээсники его еле поймали – бегал как сумасшедший, орал, что на него напало летающее чудовище. Глюки от этой отравы кошмарные...

Когда оформление задержания сутенерской банды было закончено, Гуров посмотрел на часы. Время приближалось к одиннадцати. До дома идти было еще довольно далеко, и пешком он мог бы до него добраться не раньше первого часа ночи. Да и накопившаяся усталость уже давала о себе знать. Поэтому он остановил такси и минут через пятнадцать уже подходил к своему дому, во всю ширь которого ярко светились сотни окон.

Глава 3

Утром, придя на работу, Гуров, как это стало у него уже почти привычкой, долго расхаживал по кабинету взад-вперед. Обычно такое с ним случалось, когда приходилось взваливать на себя очередной неподъемно-тяжкий «хомут» гарантированно тупикового дела, выяснить обстоятельства которого можно было лишь ценой невероятных усилий. А нынешний случай был из категории именно таких. Хотя... Если по совести разобраться, то очевидно раскрываемых дел в его практике, по сути, не было ни одного. Так с какого же боку можно будет податься к этому «бильярдному шару»?

Ну, конечно же, прежде всего нужно выявить абсолютно все, вплоть до мелочей, что могло быть общего у Горшутина и Толкуновского. Например, по деловым и личным контактам, по общим знакомым, каким-то общим интересам, по возможным контактам их семей, по увлечениям и пристрастиям, даже по перенесенным в детстве болезням. Ну, должно же у них быть хоть что-то общее, черт побери, кроме того, что они оба принадлежат к виду *Homo sapiens*...

Еще одно направление расследования – поиск свидетелей. Это самое нудное и зачастую провальное дело. Найти в такой ситуации хоть какого-то свидетеля – все равно, что в людном месте на берегу Москвы-реки обнаружить килограммовый золотой самородок. По Горшутину нужно опросить всех знакомых и грибников в том округе. Возможно, кто-то видел там подозрительных людей. Да не помешает и проверить их подноготную – вдруг кто-то из них отбывал наказание, вдруг кто-то состоит в какой-нибудь секте, вдруг кто-то – на учете у психиатра? Возможно, следует дать соответствующую информацию на местное телевидение.

Так что же вчера случилось в том лесу? Неужели некий «Поприщев», пылая завистью к удачливому грибнику, замочил того по причине разницы в количестве и качестве найденных ими подосиновиков? Сомнительно – тогда совсем непонятно, с какого боку подобный сюжет пришить к убийству Толкуновского? Того тоже, что ль, из-за подосиновиков убили? Смешно!.. Да, тут что-то никак не вяжется. Ну, по Толкуновскому следует профильтровать всю его охрану и прислугу. Ту же домработницу. Проверить, что в семье, что по работе, что представляют собой его знакомые... Мать его так! Это сколько ж придется морочиться!..

Возможно, что-то даст токсикология. Если эксперты установят тип яда и его происхождение, можно будет порыскать и в этом направлении. Вдруг это и в самом деле боевое отравляющее вещество? Тогда нужно будет порыться в армейских биографиях погибших, перелопатить все военные объекты, где на сегодня имеются эти вещества. Тоже, конечно, мороки-и-и!.. Ведь не факт, что лица, виновные в том, что на их объекте произошло хищение БОВ, будут это афишировать и немедленно кинутся давать признательные показания. Фигушки! Прятать будут концы в воду и молчать, как партизаны на допросе...

А еще что-то интересное может дать поиск аналогичных происшествий за последнее время по Москве и Московской области. Вдруг и в самом деле нечто похожее уже фиксировалось? Тогда можно будет сделать более точные обобщения, что уже даст шанс разработки хотя бы какой-то, более-менее приемлемой, версии...

Его размышления прервало появление в кабинете Станислава Крячко. Улыбчиво-умиротворенный Стас, перешагнув порог и закрыв за собой дверь, картинно помахал рукой, изобразив некий замысловатый приветственный жест.

– Гуд монын! – с типично английским пропихиванием через нос последнего «н», поздоровался он. – Чем занимаемся? Чапай думу думает?

– Думает, думает... – иронично усмехнулся Гуров, садясь за свой стол. – Что такой сияющий? Сейчас вот как обрисую масштабы предстоящего расследования – сразу заскучаешь.

– Ой-ой-ой! Напужал!.. Как будто у нас эти самые масштабы бывают мелкими... Ага! Только по «крупняку» и работаем. А что касается сияния... Ну, конечно, по количеству све-

чей до полярного оно не дотянет, однако сияем-с, сияем-с... А почему бы и нет? Между прочим, точно так же сегодня мог бы сиять и ты. Кто виноват, что некий до полного безобразия принципиальный тип не захотел уделить хотя бы каплю своего внимания молодой и красивой особе? Кто?! То-то же...

– О-о-о... Стас оседлал своего любимого конька! – Лев рассмеялся, качая головой. – В твоём присутствии лирические темы лучше не затрагивать. Ты в этом отношении прямо как граната с растяжкой: чуть задел – ба-бах! Взрываешься без задержки.

– Да как тут не взорваться?! – Крячко с гротескным возмущением развел руками...

– Все, – Лев упреждающе вскинул перед собой ладонь, – тему за-кры-ва-ем и плавно переходим к нашим профессиональным обязанностям. Значит, так... Петр не звонил и, надеюсь, звонить не собирается. Поэтому сейчас, в своём узком кругу, распределим сегодняшние дела. Думаю, раз ты в наибольшей мере приложил руку к тому, что мы с тобой нашли усопшего «подосиновика», то ты за него, наверное, и берись. Я займусь банкиром. Возражений нет?

– Да какая разница, какого «глухаря» ошипывать? – Стас чуть пренебрежительно отмахнулся. – Что тот, что другой – случаи безнадежные. Добро, еду раскручивать эпизод с Горшутиним.

Вкратце обговорив основные направления работы по обоим эпизодам, опера направились к выходу. Когда они уже выходили из кабинета, неожиданно язвительным звонком раззвонился телефон на столе Гурова. Переглянувшись со Стасом, Лев неохотно вернулся. Как он и догадывался, звонил Орлов.

– Лева, привет! – В голосе Петра, вроде бы и бодром, с изрядной примесью наигранного оптимизма, крылся затаенный укор. – Чем занимаетесь?

– Привет... – с невозмутимым спокойствием откликнулся Гуров. – Только что закончили свою «пятиминутку» и отправляемся по конкретным адресам. Стас едет разбираться с кончиной грибника, я – банкира.

– А что, зайти ко мне вам уже стало «влом», как выражаются молодые? – укоризненно заметил генерал. – Рассказать, к примеру, как вчера вечером некий Лев Гуров, при поддержке соответствующих структур органов внутренних дел, провел успешное задержание особо опасной сутенерской банды. Уже который раз задаю вам со Стасом все тот же вопрос: почему о делах своих сотрудников я узнаю через третьи руки? Почему мне звонят коллеги из смежных подразделений и благодарят за замечательные кадры, выращенные в стенах нашей конторы? А я, как болванчик, только сижу и моргаю глазами, не в силах понять, о чем же идет речь. Это нормально?

– Я уже могу ответить или твой фонтан еще не иссяк? Уже иссяк? Замечательно... – Невозмутимый голос Льва напоминал прибрежную скалу, о которую разбиваются штормовые волны, способные поглотить любой корабль. – Итак, отвечаю. Идти к тебе – значит, нужно что-то обязательно положить на стол. А нам класть пока что нечего. Пока что нет даже версий, в том числе и самых дохлых. Второе. Про вчерашний случай. Сказать по совести, об этом я уже успел забыть. Ну, некогда вспоминать про всякую ерунду, поскольку мы со Стасом уже сейчас чешемся как шелудивые, стоит лишь подумать об объеме предстоящей работы. А в-третьих... Хорошо, теперь, как чего случись, сразу же буду названивать прямо тебе: «А я подвиг совершил! А я подвиг совершил!..» Надеюсь, это тебя удовлетворит.

– Ну, занимайтесь, занимайтесь... – уже куда менее раздраженно пробурчал Орлов и положил трубку.

– Что, генерал-лейтенантиссимум сменил-таки гнев на милость? – с ернически-постным видом вздохнул Крячко. – Вот у кого веретено в одном месте!.. С утра, окаянное, человеку покоя не дает.

Выйдя в вестибюль, Гуров заказал по телефону дежурного служебную «Волгу». Стас, как это частенько с ним уже бывало, предпочел ехать самостоятельно, на своем верном «мерине».

Минут через пять к подъезду подружила машина, за рулем которой восседал сержант Анатолий, демонстрирующий через окно водительской дверцы свои густые черные усищи. Поприветствовав Гурова, он лихо тронул с места, и «Волга» помчалась по московским улицам. Первым делом Лев решил встретиться с операми районного отдела, которые проводили осмотр места происшествия на вилле Толкуновского. Менее чем через полчаса они подъезжали к трехэтажному зданию, огороженному решетчатой изгородью, у которой в ряд выстроилось несколько десятков легковых машин.

Крупный майор, похожий на медведя, наряженного в милицейскую форму, сидел за столом и сдержанно повествовал:

– ...Вообще, сколько работаю, такую картину происшедшего видел впервые. Вот, лежит на полу труп, лицо и спина отечные, в пятнах, в спине колотая рана, причем практически без признаков кровотечения – и все. Больше ничего характерного, абсолютно. В комнате, по сути, полный порядок – никаких следов борьбы, никаких следов проникновения убийцы, признаков ограбления... Впечатление такое, что киллер материализовался из ниоткуда, ударил потерпевшего чем-то острым в спину и снова испарился.

– Там вроде было открытое окно... – задумчиво напомнил Гуров.

– Да, верно... Но ни на стене, ни на подоконнике – ничего вообще не обнаружилось. Ни отпечатков, ни следов обуви, ни царапинки, ни ниточки от одежды. Даже пыль, что успела осесть на подоконнике – с улицы-то несет постоянно, – нетронутая.

– И что же тогда получается? – Лев недоуменно пожал плечами. – Выходит, убил его кто-то из прислуги. Возможно, был сговор нескольких человек, которые сейчас прикрывают друг друга. Кстати, каков состав прислуги в доме?

– Ну, кроме домработницы – вернее, горничной, которая и обнаружила, как она утверждает, тело хозяина, – есть еще дворецкий, повариха, шофер, три охранника. Значит, один охранник на видеорекамерах, контролирует обстановку во дворе и в ближайшей округе. Ему в подкрепление приданы два хорошо обученных сторожевых пса – постоянно курсируют по двору, чужих не пропустят ни за что. Еще два охранника обычно сопровождают хозяина. Есть вторая смена, тоже три человека. Работают сутками, жалованье стабильное, никто не жаловался. Вся прислуга набрана через кадровое агентство, все имеют рекомендации. Все прошли через полиграф и собеседование с психологом.

– И тем не менее... – Гуров внушительно поднял руку.

– Да-да, мы это учли и со всех взяли подписку о невыезде, – поняв его с полуслова, майор коротко кивнул. – Но, мне так кажется, тут копать бесполезно. Я с прислугой беседовал, и у меня сложилось впечатление, что заинтересованных в его кончине нет ни одного. Впрочем, человеку свойственно ошибаться...

– Хм... И кто же, как вы думаете, в данном случае мог стать убийцей? Каковы могли бы быть мотивы случившегося?

– Если честно – ничего дельного даже представить себе не могу, – майор отрицательно помотал головой. – Опять-таки складывается такое впечатление, будто в доме побывал невидимка. Вернее, человек, способный внушить окружающим, что его не существует. Ну, есть же такие, которые могут внушить человеку черт знает что. Вон, их по телику сейчас без конца показывают. Экстрасенсы, гипнотизеры... Кстати, если к этому предположению отнестись без смешков, оно может многое объяснить. Скажем, пришел такой внушитель к дому жертвы, заморочил охранника – тот его пропустил. Потом так же и остальным мозги вправил, типа, вы меня не видите и не помните. Ну и все! Вот, может, их стоило бы показать соответствующим специалистам, чтобы те у них подсознание прозвонили и проверили – что там в черепушке спрятано?

– Ну, в принципе, с таким человеком когда-то я сталкивался сам, – Гуров покачал головой. – Страшный тип... Он действительно мог внушить все, что угодно. Но того суггестолога уже нет, а есть ли другие, ему подобные, – большой вопрос. К тому же необычные способности

таких людей чаще используются в других направлениях. Скажем, куда проще организовывать себе крупные выигрыши в казино, чем использовать такого человека как орудие убийства. Ведь даже суггестолог не способен до конца стереть из подсознания человека информацию о своем существовании. И если таковая у свидетелей вдруг будет обнаружена – все, «невидимка» рассекречен. А вся его сила именно в том, что о нем никто не знает.

– Ну, спорить не берусь... – Майор пожал плечами, доставая из сейфа скоросшиватель. – Вам виднее. Вот бумаги по этому происшествию. Результатов экспертизы пока еще не было.

...Еще через полчаса «Волга» катила по ровному асфальту мимо помпезных особняков, утопающих в зелени. Среди архитектурных стилей вилл московских толстосумов какого-то единодушия не отмечалось. Если одни возводили нечто, напоминающее средневековые замки, то другие, наоборот, тяготели к ультрамодерну, строя себе заумно-футуристические сооружения, явно смахивающие на образцы, подсмотренные в голливудских блокбастерах на фантастические темы. Кое-где попадались даже заимствования индийского Тадж-Махала и французской Нотр-Дам де Пари.

Вилла Толкуновского являла собой смешение всевозможных архитектурных стилей. Высокая ажурная металлическая ограда, напоминающая изящное витие арабесок, ограничивала территорию виллы со стороны фасада здания. С боков и тыла ее огораживала мощная кирпичная стена, увенчанная частоколом острых металлических штырей. Перед виллой простирался обширный двор в каком-то смешанном англо-японском стиле. Анатолий остановился на парковочной площадке рядом с воротами и, кивнув в сторону дома, чуть поморщился.

– Вроде и с наворотами, и с понтами, а присмотришься – так себе... Ни виду, ни красоты, – пренебрежительно констатировал он. – Зря только деньги потратили.

Лев в ответ лишь понимающе усмехнулся и направился к калитке. Выходя из машины, он заметил камеру видеонаблюдения, установленную во дворе, которая отслеживала обстановку у ворот и на улице. Нажав на кнопку звонка, услышал хриловатый голос охранника, раздавшийся из переговорного устройства:

– Будьте добры, представьтесь.

– Полковник Гуров, Главное управление угрозыска.

Лев стоял в непринужденной позе, представляя, как его сейчас придирчиво рассматривают на экране монитора. «Ой, ребята, ребята! – с иронией мысленно отметил он. – Понтов у вас, как правильно сказал Анатолий, предостаточно. Да что толку с этого? Хозяина-то один хрен не уберегли!..»

– Можете войти, – снова раздался голос охранника, сопровождаемый щелчком в замке калитки. – Вас ждут.

Пройдя по дорожке, вымощенной разноцветным камнем, Гуров вошел в «аквариумного» типа вестибюль, украшенный мозаикой и витражами, из которого проследовал в гостиную, изобилующую зеркалами, бронзовыми канделябрами, раритетной мебелью и хрустальными люстрами. Навстречу ему по лестнице со второго этажа спустилась молодо выглядящая женщина в черном платье, но, как с первого же взгляда понял Лев, без особой скорби на лице. Поздоровавшись, хозяйка дома представилась и деловито предложила ему присесть в кресло у окна. Сев в кресло напротив, женщина выжидающе посмотрела на Гурова. Лев достал из кармана служебное удостоверение и показал ей, коротко пояснив:

– Я по поводу смерти вашего супруга. Инна Евгеньевна, что бы вы могли сказать о случившемся?

– Да что сказать-то? – вдова чуть заметно пожала плечами. – О том, что произошло с Алексеем, знаю только со слов Вали, нашей домработницы. Охрана и все остальные вообще ничего не видели...

– Ну, с ними я обязательно еще побеседую. – Лев уселся поудобнее. – А вот от вас хотел бы услышать следующее. Меня интересуют события последних двух-трех месяцев жизни

вашего супруга. Трения, конфликты, претензии, как к нему, так и с его стороны. Он, кстати, вам о своих делах рассказывал?

– Не очень охотно... – Женщина говорила, глядя куда-то в пространство. – Он вообще считал, что его дела – это его дела, а мои дела – это мои. И только. Ну, конечно, кое-что иногда все же проскальзывало. Месяц назад он ругался с кем-то по телефону. Я так поняла, какой-то крупный заемщик не хотел вовремя возвращать кредит.

– А кто это, вы не узнавали?

– По-моему, какая-то строительная компания. Они взялись строить дом, а вот с землей у них возникли проблемы. Насколько мне известно, их конкуренты через суд оспорили законность отвода земельного участка, и заемщикам нашего банка пришлось на какое-то время заморозить строительство, а потом и вовсе от него отказаться. Если бы дом был построен, то и кредит был бы вовремя погашен, и сама компания осталась бы с прибылью. А тут ситуация возникла тупиковая. Ну вот, глава этой компании и поставил вопрос о пролонгации кредитных обязательств. Но Алексей сказал, что он тоже имеет немало обязательств, которые с него никто снимать не собирается, и предложил гасить долг за счет реализации недостроенного здания и имущества компании.

– И чем же закончилась эта история?

– Хозяин компании, прихватив кассу, ударился в бег. Сейчас скрывается где-то за границей. Компания со всеми своими активами перешла в собственность нашего холдинга, но полностью имевшиеся долги покрыть так и не удалось...

По словам вдовы, имелись и другие, менее значимые конфликты, которые вряд ли могли бы стать поводом к убийству. Тем более что Толкуновский слыл человеком, который при необходимости мог пойти и на компромисс. В их личной жизни все складывалось относительно благополучно. Инна подозревала, что у мужа были романы на стороне, но скандалов предпочитала не устраивать. В средствах он ее не стеснял, подозрениями не допекал, по сути, негласно предложив жить каждому своей жизнью. Его любовниц она не знала ни одной. Поэтому уверенно сказать не могла, была ли его смерть следствием мести какой-то из брошенных им женщин.

Биография банкира тоже не изобиловала яркими эпизодами. Родом он был из Брянской области. Отец работал заведующим сберкассой, мать – кассиром на местном промкомбинате, поэтому и Алексей пошел по стопам родителей, поступив после школы в вуз финансового профиля. В начале девяностых, когда он закончил институт, началась знаменитая чубайсовская ваучеризация. Проявив должную сноровку и хватку, Толкуновский сумел удачно вклиниться в процесс организованно-хаотичного перераспределения бывшей соцсобственности. И настолько в этом преуспел, что уже к концу девяностых стал фактическим хозяином банка «Мегаполис GXL», а также совладельцем средней руки нефтяной компании.

Явных врагов у него никогда не было. Толкуновский старался обходить острые углы и в заведомо авантюрные операции не ввязывался. Как мысленно отметил Гуров, это был Чичиков нашей эпохи, сумевший-таки удачно распорядиться «мертвыми душами». В быту Толкуновский тоже ничем особенным не отличался. С прислугой не сюсюкал, но и не тиранил. Платил пусть и не слишком щедро, но вовремя. Отдыхать ездил только за границу, чаще всего на Канары, где пару лет назад купил себе дом. Там же последние три недели находилась и Инна с детьми, где их и застало известие о смерти главы семьи. Инна не смогла припомнить среди знакомых и своих, и мужа, в том числе «шапочных», хоть кого-то по фамилии Горшутин. Кроме того, покойный банкир сбором грибов в подмосковных лесах никогда не увлекался.

По просьбе Гурова Инна пригласила свою домработницу Валентину. Та пришла незадолго, словно ждала, что ее обязательно куда-то должны вызвать. Инна, сославшись на то, что ей нужно заниматься подготовкой к похоронам, вновь ушла наверх. Валентина, скорее всего, ровесница хозяйки, выглядела в чем-то даже более эффектно, чем та. Было заметно, что

она очень волнуется – ее руки постоянно были в движении и не находили себе места. Осторожно присев напротив Льва, она наконец-то сложила руки на коленях и замерла, глядя в пол.

– Скажите, Валя, хозяин часто, вот так же, как и в этот раз, запирался в спальне на длительное время? – Гуров старался говорить без каких-либо эмоций, чтобы излишне не напрягать свою и без того чрезмерно напряженную собеседницу.

– Да, я об этом милиции уже рассказывала... – Валентина утвердительно кивнула. – Алексей Васильевич по меньшей мере раз в неделю занимался медитацией, для чего уединялся в спальне и запрещал его беспокоить. Он обычно занимался этим с субботы на воскресенье. В такие часы шуметь категорически запрещалось. Нельзя было громко включать музыку, телевизор, заниматься ремонтом и всем таким прочим.

– Расскажите о том, что было позавчера. Это как раз была суббота.

– Да вы знаете, как-то ничего особенного тогда и не отмечалось... День был как день. Алексей Васильевич приехал вскоре после обеда, выпил апельсинового соку и ушел в спальню. Как и обычно, предупредил, чтобы его не беспокоили.

– Он не выглядел подавленным, расстроенным, нервным?

– Нет, нервным его я не видела ни разу. Он даже, когда с кем-то ругался, говорил совершенно спокойным голосом. И в субботу он был такой же, как и всегда.

– А окно спальни во время его медитации всегда было открыто?

– Ну, когда спокойная погода, то он открывал его настежь. А если шел дождь или был сильный ветер, окно было закрыто...

– Как я понял, закончив свою медитацию, хозяин сам выходил из спальни. Как же в этот раз вы смогли догадаться, что с ним произошло что-то неладное? Он что, не вышел в обычное время?

– Нет, он, случалось, мог просидеть в позе «лотоса» и почти все воскресенье. А тут... Возможно, вы мне не поверите, но когда я позавчера утром проходила мимо дверей его спальни, то внезапно почувствовала, как оттуда потянуло холодом, и мне почему-то вдруг стало очень страшно. И тут я поняла: случилось что-то очень нехорошее. Сначала я постучала. Мне никто не ответил. Тогда я стала колотить в дверь изо всех сил, а потом сбегала за Сашей, охранником. Он выломал дверь, поскольку она изнутри запиралась на обычную задвижку и запасным ключом воспользоваться было невозможно. Алексея Васильевича мы увидели лежащим на полу лицом вниз уже мертвого...

Как далее рассказала Валентина, в быту Толкуновский был человеком адекватным. По ее словам, перед прислугой он не заносился, хотя дистанцию выдерживал строго. Обожал французскую кухню, в одежде придерживался английского фасона, а вот машины любил немецкие. Собираясь в ближайшем будущем купить себе «Майбах», но не успел. На вопрос Гурова об их личных взаимоотношениях, слегка порозовев, Валентина ответила, что они были сугубо деловыми и в личную плоскость никогда не перемещались.

Однако это утверждение на корню опроверг дворецкий, который пришел после горничной. Дмитрий, как он себя назвал, выглядел далеко за сорок, но при этом смотрелся бодро и уверенно. У Толкуновского он работал дворецким уже около восьми лет и был своего рода старожилом из числа прислуги. По словам Дмитрия, своей работой он был вполне доволен, и кончина хозяина стала для него по-настоящему тягостным событием. В субботу Дмитрий, закончив дела, с согласия хозяина отбыл на выходной. Он жил с семьей в Москве, в одном из «спальных» районов. О смерти Толкуновского узнал в воскресенье, после звонка Валентины.

– К нему она была, конечно, очень неравнодушна... – При этих словах Дмитрий многозначительно выпятил губы. – Да и что тут удивительного? Мужик он был собой видный, симпатичный, обходительный, бабы на него липли, как мухи на мед. Ну и, что уж там греха таить, переспала с ним не один раз. Мне об этом повариха наша, Зойка, рассказывала. Нет, вы только не подумайте, что я берусь Вальку в чем-то подозревать... Просто рассказываю все, как оно и

было, без утаек и прикрас. Конечно, на Васильича она руку ни за что на свете не подняла бы. Не-е-е-т... Да у нас тут и нет таких, кто таил бы на него зло.

– А Инна знала о его похождениях?

– Скорей догадывалась. Но она тоже, я вам скажу, хоть и та еще штучка, но не законченная стерва и руку к его смерти вряд ли приложила. К тому же он ей обеспечил полную свободу – она встречалась, с кем хотела, жила, как ей самой нравилось... Если смотреть на смерть Васильича с любой точки зрения, особенно шкурной, мы все, скопом, потеряли очень многое. Ну, начать с того, что еще неизвестно, кто из нас теперь здесь останется...

Повариха Зоя, шофер и охранники рассказать смогли немного. Разве что охранник, назвавшийся Арвидом, за несколько дней до смерти Толкуновского, дежуря у мониторов камер наблюдения, заметил неизвестного, который, проходя по улице, как-то уж слишком внимательно присматривался к дому. По просьбе Гурова охранник принес кассету с видеозаписью, где и был запечатлен тот странный тип. Положив кассету в свой органайзер, Лев мысленно отметил, что теперь появился пусть и чисто условный, но все же подозреваемый.

Покончив с опросом охранников, он вновь пригласил Дмитрия, которого попросил показать спальню Толкуновского, где тот и был найден. Они поднялись по лестнице на второй этаж и проследовали по коридору, устланному ковровой дорожкой, к угловой комнате, выходящей окном на восток. Как пояснил Дмитрий, рассвет был любимым временем суток покойного. В комнате, обставленной сугубо по-восточному, витал какой-то необычный запах.

– Дым ароматических палочек, – пояснил дворецкий. – Их присылали из Индии. Васильич специально выписывал...

Стоя посреди комнаты, Гуров огляделся. Вдоль стен стояли восточные ритуальные бронзовые чаши и кувшины, украшенные резьбой и чеканкой. Тут же висели литые канделябры, украшенные драконами и какими-то немислимыми существами. Большое – в полстены – окно обрамляли портьеры из толстой узорчатой ткани, сверкающей золотыми нитями. В правом углу от входной двери, в обрамлении цветов, стояла бронзовая фигура Будды. В другом углу комнаты, по диагонали от Будды, что-то скрывала за собой столь же яркая, как и портьеры, узорчатая ширма. Заглянув за нее, Лев увидел большую кровать, застеленную белоснежным покрывалом. Под потолком висело множество гирлянд из хрусталя, бронзы и шелка, скорее всего, ритуального характера. На нескольких картинах, украшающих стены, были изображены какие-то горы с заснеженными вершинами. Бросался в глаза портрет белобородого старца, судя по чертам лица, европейца, но в восточном одеянии.

– Это Рерих? – догадался Гуров.

– Да, это Николай Рерих, – подтвердил Дмитрий. – Васильичу он всегда очень нравился, хозяин собирал его книги и картины.

Сбоку от окна стоял изящный стол из дорогих экзотических пород дерева, рядом с которым было несколько, под стать ему, стульев в восточном стиле. Лев прошел по толстому пушистому ковру, устилающему пол комнаты, и, раскрыв одну из створок окна, посмотрел вниз. С первого же взгляда было ясно, что снизу подняться сюда без лестницы практически невозможно. Гладкая кирпичная стена исключала возможность взобраться, цепляясь за выступы и карнизы. Если только убийца не воспользовался какими-нибудь специальными приспособлениями, которые когда-то были в ходу у японских ниндзя... Но тогда бы на стене все равно остались хоть какие-то царапинки в местах зацепа металлических крючков.

– Стену дома под окном милиция осматривала? – Лев обернулся к дворецкому.

– Да, конечно, – закивал тот. – Все искали место, где об нее мог бы опираться верхний конец лестницы. Тут майор был, он все допытывался, есть ли во дворе что-нибудь наподобие стремянки. Он считал, что убивший Васильича по лестнице мог взобраться к окну. Но у нас тут круглосуточно работают видеокамеры, и на записи не было видно, чтобы кто-то перелезал

через ограду и тем более взбирался по лестнице на второй этаж. Да и лестница-то тут нигде не валяется, чтобы ее можно было свободно взять и воспользоваться...

– А на крышу не залезали? – глядя через окно вверх, спросил Гуров. – Там не проверяли?

– А на крыше-то чего можно найти? – Дмитрий недоуменно воззрился на Гурова.

– Убийца мог спуститься оттуда на веревке, сделать свое дело и снова взобраться наверх.

– Эх, так твою! – Дмитрий всплеснул руками. – Вот, сколько было тут народу, и никто об этом не подумал. А ведь и верно, такое вполне могло быть! Хотя... А на крышу-то он как мог попасть? На крыльях прилетел, что ль?

– Давайте сначала посмотрим, есть ли там хоть какие-то следы, – урезонивающе сказал Гуров, закрывая окно. – Мы можем туда как-нибудь взобраться?

– Да, тут есть лестница на мансарду, а с нее можно выйти на крышу... – выходя из комнаты, кивнул Дмитрий.

Отомкнув замок, дворецкий распахнул узкую низенькую дверь в фронтончике, под которым простирался покатым склон крыши из темно-зеленой металлочерепицы. Ступив на ее волнистую поверхность, Лев осторожно поднялся к коньку и огляделся. В той стороне, где располагалась спальня Толкуновского, ничего особенного заметно не было. А вот правее... Даже не напрягая глаз, Гуров хорошо различил толстый крепкий шнур, обвязанный вокруг вентиляционной трубы. Поднявшийся следом Дмитрий тоже с изумлением воззрился на эту находку.

– Обалдеть! – только и смог выговорить он. – Вот где собака-то зарыта!

– Не спешите с выводами... – пробираясь к трубе, обронил Гуров. – Веревка могла остаться со времен строительства.

Держась рукой за одну из завитушек, украшающих трубу, он поднял скомканный ворох шнура, лежавший по другую сторону трубы, и снова бросил его на крышу.

– Ну, и что там? – вопросительно вытянув шею, спросил Дмитрий.

– Похоже, этим шнуром, по меньшей мере, несколько месяцев никто не пользовался, – разочарованно вздохнул Гуров, возвращаясь назад. – У вас тут каких-нибудь ремонтных работ не проводилось?

– А, было, было! – припомнил дворецкий. – Прошлой осенью во время шторма сорвало несколько листов черепицы. Я нанимал одну фирму, она присылала своих кровельщиков.

– Найдете адрес этой фирмы и имена тех, кто здесь работал. – Лев начал спускаться к двери в мансарду. – У вас эта информация сохранилась?

– Поищу... – Спускаясь следом, Дмитрий тягостно вздохнул. – Лев Иванович, это что же, получается так, что если чужие в коттедж не забирались, то подозреваемым станет кто-то из домашних?

– Ну, ясное дело... Если посторонние ни при чем, то, значит, причастен кто-то из тех, кто здесь работает. А почему это вас так обеспокоило?

– Так дураку понятно, что если убийца и в самом деле кто-то из теперешней obsługi, то все остальные вылетят отсюда как пробки из шампанского! – Дворецкий исторг еще один тягостный вздох. – Я потом куда подамся? Кому буду нужен? Мне уже под шестьдесят, уж доработать бы до пенсии. Мне тогда только в дворники, улицы мести...

– Понимаю... Но уж тут как повезет. И нам, и вам. – У двери спальни Гуров остановился. – Пригласите-ка сюда Валентину. Надо ее еще кое о чем расспросить.

Когда прибежала все еще взволнованно-растерянная Валентина, Лев попросил ее показать, как именно лежал на полу Толкуновский и что необычного тогда и сейчас она могла бы заметить. Пожимая плечами, Валентина подробно, в мелочах рассказала об увиденном в спальне позавчерашним утром. Припомнила она и еще одну деталь: ее поразило запечатлевшееся на лице хозяина выражение удивления и ужаса. Вначале она приняла это за следствие отека, исказившего черты лица, но все же пришла к выводу, что перед смертью Толкуновский увидел нечто, очень его напугавшее. Еще раз тщательно осмотрев комнату, она обнаружила на

ткани портьеры у самого окна странный след, как если бы ткань царапнули острием тонкого гвоздя.

Прибыв в главк уже после обеда, Лев отправился перекусить в ближайшее кафе. Неторопливо разделяясь с бифштексом, он анализировал увиденное во время сегодняшней поездки на место происшествия. Несмотря на обилие полученной информации, Гуров понимал, что все равно не хватает множества очень важных деталей, без которых любая версия, выстроенная на основе уже полученных фактов, – не более чем шаткий карточный домик.

Неожиданно напомнил о себе его сотовый. Звонил Стас.

– Лева, ты где? Как там у тебя? – Голос Крячко звучал вполне бодро, если не считать временами проскальзывающих заунывно-занудных интонаций.

– Обедаю в кафе, – флегматично известил Гуров. – Кое-что накопал, но... Это все не то. А ты чем порадуешь?

Уловив в слове «порадуешь» некоторый оттенок иронии, Стас рассмеялся.

– Ну, как ты уже и сам понял, «урожай» тот же, что и у тебя. Сейчас еду к одному из приятелей Горшутина, тоже из числа заядлых грибников. Может, он чего дельного скажет? Так-то я уже перелопатил уйму народу. Но чего-то конкретного и достаточно интересного найти тоже не удалось. Ладно, через час-полтора встретимся. Пока!

Покончив с обедом, Лев вышел из кафе и зашагал к управлению. Неожиданно снова ожил телефон. На сей раз звонил Орлов.

– Лева, в управлении скоро будешь? – вполне буднично поинтересовался Петр. – Ты от конторы далеко?

– Хм... Ну, как сказать? Метров двести – не более. Минут через пять буду у себя. А что случилось?

– А, так ты, наверное, обедал? Ага... Замечательно. Ко мне тогда зайди. Кстати, Стас не с тобой?

– Нет, он еще в разъездах...

– Да-а? Ну, он, наверняка, при таком стахановском рвении к работе или роет метра на три в глубину, или опять, паразит, завис у какой-нибудь зазнобы... – грозно засопел генерал. – Эх, и оторву я ему кое-что однажды без наркоза! Он у меня дождется!..

Глава 4

Но Орлов был в корне не прав, подозревая у Стаса наличие каких-то легкомысленных настроений. Крячко даже не помышлял отклоняться от чисто служебных мероприятий. А зачем? Мероприятия для души уже имели место быть в положенные тому ночные часы. В приподнятом настроении Стас подъехал к районному отделу милиции, где его должен был дожидаться капитан Жулаенко, с которым он созванивался перед самым выездом.

Тот, как и обещал, оказался на месте. Обговорив детали обследования поляны, где был найден Горшутин, и придя к выводу, что дело, безусловно, дохлое, Крячко и Жулаенко договорились активно обмениваться информацией. Как рассказал Жулаенко, он установил тех, кто хорошо знал Горшутину. Таких набралось несколько человек. Среди них были и заядлые грибники. Минувшим днем капитан уже ездил на квартиру Горшутина, но там никого не оказалось. По словам соседей, тот обитал один, без семьи, хотя у него была жена, которая как будто жила у взрослых детей. В целом о Горшутине соседи знали очень немного. Человек он был скрытный, о себе рассказывать не любил. В гости никого не приглашал, да и сам ни к кому никогда не заходил.

Взяв понятых, Жулаенко вскрыл квартиру Горшутина и с участием еще двоих сотрудников райотдела провел в ней детальный обыск. Ничего, что могло бы дать хоть какую-то информацию, способную пролить свет на причины его гибели, в квартире обнаружить не удалось. Впрочем, кое-какие странности все же обнаружили. Хотя Горшутин жил совершенно один и детей, тем более дошкольного возраста, в его квартире не было, в одном из шкафов капитан нашел целую грудку изуродованных кукол. Впечатление было таково, что они побывали в руках какого-то маленького вандала, который обычным детским играм предпочитал садистское глумление над своими игрушками. Перебирая истерзанные фрагменты кукол, Жулаенко вдруг задумался – а таким ли уж маленьким был этот самый вандал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.